

«СВИНОЙ ПОВОРОТ»:
Рец. на кн.: JON HENRIK ZIEGLER REMME.
PIGS AND PERSONS IN THE PHILIPPINES.
HUMAN-ANIMAL ENTANGLEMENTS IN IFUGAO RITUAL.

Lanham: Lexington Books, 2014. 161 p.

Мария Владимировна Станюкович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
mstan@kunstkamera.ru

А н н о т а ц и я: Книга посвящена роли свиней в культуре горного филиппинского народа. Появление ее можно только приветствовать: в Европе почти нет полевиков-специалистов по ифугао. Однако у читателя, хорошо знакомого с культурой описываемого общества и с литературой по теме, при чтении постоянно возникает недоумение. Ремме позиционирует книгу как переворот в понимании культуры ифугао: до него все исследования были посвящены примату культуры риса, он же показывает, что основополагающей ценностью для ифугао обладают именно свиньи. Первое попросту неверно, второе, по мнению рецензента, доказать не получилось. Культура — многоканальная система, исследование одного из кодов весьма похвально, но объявление его основным не выдерживает критики, не говоря уж об этическом моменте — по понятным причинам книга не получила теплого приема в обществе ифугао. В сочетании с рядом фактологических ошибок, положенных в основу теоретических обобщений, работа вызывает разочарование. Книга заставляет задуматься о тревожной тенденции в современной антропологии: маркетинговые приемы подачи своего «научного продукта», ослабление внимания к предмету исследования (в том числе и к верификации фактов, на которых строятся теории) и перенесение его на инструменты, фетишизация языка исследования, введение нарочито усложненной «новаторской» терминологии на смену укорененной в данной исследовательской области, обрывание традиций и изобретение новых.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнография ифугао, отношения человека и животного, свиньи, Филиппины.

Д л я с с ы л о к: Станюкович М. «Свиной поворот». Рец. на кн.: Jon Henrik Ziegler Remme. *Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Ritual.* Lanham: Lexington Books, 2014. 161 p. // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 229–251.

d o i: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-229-251

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/stanyukovich.pdf>

“SWINE TURN”:
A Review of JON HENRIK ZIEGLER REMME,
PIGS AND PERSONS IN THE PHILIPPINES.
HUMAN-ANIMAL ENTANGLEMENTS IN IFUGAO RITUAL.

Lanham: Lexington Books, 2014, 161 pp.

Maria V. Stanyukovich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
mstan@kunstkamera.ru

A b s t r a c t: This much-anticipated book on Ifugao ethnography, regrettably, appears to be rather disappointing. It claims theoretical novelty while failing to substantiate it, and at the same time fails to acknowledge regional literature and to go deeper into the sources to verify claims and facts. In my view, it is indicative of an alarming broader trend to disregard existing scholarship in present-day anthropology. It appears as though the success of a publication hinges upon opposing oneself to the previous research tradition and presenting one’s research out of its context. Systematically tracing the role of pigs in all spheres of life in Batad (a touristic centre of the Ifugao province), following the longstanding research tradition of the Austronesian area, but in terms of human-animal relations studies, J. Remme claims that his approach is totally innovative, having “opened up a new avenue to understanding the Ifugao and their lives”. He reduces the previous tradition of Ifugao studies to being “rice-field-centered”, whereas in fact century-long Ifugao studies have until recently focused mostly on mythology, ritual and its traditional religious system, with abundant discourse and data on exchange and sacrifice of objects and animals. Traditional culture is a multi-channel system; the “pig code” is just one of many cultural codes. Laudable as it is, its study should not be proclaimed supreme or serve to understate the importance of other avenues of research. The conclusions are often based on factual mistakes. For example, Remme claims that dogs and water buffalos are never sacrificed (p. 9) in Ifugao, while we have multiple evidences of the latter (buffalo sacrifice being one of the markers of Southeast Asian cultures in general) and several solid evidences of the former in early and present-

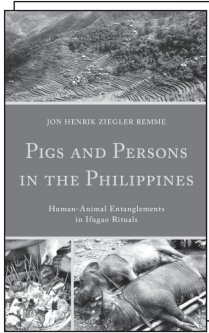
day Ifugao culture. The discussion of pigs and gender (pp. 100–106) based on terminology for male and female age groups of pigs completely falls apart in case the reader can etymologise the untranslated Ifugao terms given by the author. The claim that wild animals are never sacrificed is equally wrong. Remme exoticises the people that he studies and expands his conclusions based on Batad material to the whole province of the Ifugao, failing to contextualise his own fieldwork.

Key words: Ifugao ethnography, human-animal relations, the Philippines.

To cite: Stanyukovich M., “Swine Turn”: A Review of Jon Henrik Ziegler Remme, Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Ritual. Lanham: Lexington Books, 2014, 161 pp., *Antropologičeskij forum*, 2018, no. 38, pp. 229–251.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-229-251

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/stanyukovich.pdf>

Рец. на кн.: **Jon Henrik Ziegler Remme.** *Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Ritual.* Lanham: Lexington Books, 2014. 161 p.

Книга посвящена роли свиней в культуре горного филиппинского народа. Появление ее можно только приветствовать: в Европе почти нет полевиков-специалистов по ифугао. Однако у читателя, хорошо знакомого с культурой описываемого общества и с литературой по теме, при чтении постоянно возникает недоумение. Ремме позиционирует книгу как переворот в понимании культуры ифугао: до него все исследования были посвящены примату культуры риса, он же показывает, что основополагающей ценностью для ифугао обладают именно свиньи. Первое попросту неверно, второе, по мнению рецензента, доказать не получилось. Культура — многоканальная система, исследование одного из кодов весьма похвально, но объявление его основным не выдерживает критики, не говоря уж об этическом моменте — по понятным причинам книга не получила теплого приема в обществе ифугао. В сочетании с рядом фактологических ошибок, положенных в основу теоретических обобщений, работа вызывает разочарование. Книга заставляет задуматься о тревожной тенденции в современной антропологии: маркетинговые приемы подачи своего «научного продукта», ослабление внимания к предмету исследования (в том числе и к верификации фактов, на которых строятся теории) и перенесение его на инструменты, фетишизация языка исследования, введение нарочито усложненной «новаторской» терминологии на смену укорененной в данной исследовательской области, обрывание традиций и изобретение новых.

Ключевые слова: этнография ифугао, отношения человека и животного, свиньи, Филиппины.

«Свиной поворот»

Йон Ремме — выпускник Университета Осло, где он защитил магистерскую по теме рецензируемой книги [Remme 2006] и докторскую диссертацию (PhD) о пятидесятилетии и традиционных верованиях в культуре горского филиппинского народа ифугао [Remme 2012], ныне доцент отделения социальной антропологии. Рецензируемую книгу автор позиционирует как «свиной поворот» (“swine turn”) в антропологии ифугао, которую он «коренным образом изменил», «позволив свиньям войти в аналитическое пространство» (Р. 136). Основной темой своей работы Й. Ремме считает становление личности в общественных взаимоотношениях, реализуемое в процессе деятельности, связанной со свиньями.

Мария Владимировна Станюкович
Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
mstan@kunstkamera.ru

Структура книги

Книга состоит из введения, четырех глав и заключения (разделы 1–6). Введение (Р. 1–25) открывается постановкой задачи: показать, что в культуре ифугао, известных в первую очередь как террасные рисоводы, свиньи занимают столь же центральное положение, что и рис. Во втором разделе, «Свиньи создают родство» (Р. 27–53), основное внимание уделено циркулированию свиней и долей мяса жертвенных животных в дарообмене. Третий, «Свиньи и отношения между людьми и *ba'i*» (Р. 55–77), посвящен анализу взаимоотношений «свинья — человек» и «человек — дух» на ритуальном уровне, взаимодействию между людьми, духами, душами и богами. Четвертый раздел, «Свиньи и социальная дифференциация» (Р. 79–106), призван доказать, что «свиньи играют определяющую роль в динамике социальных рангов» (Р. 81). Пятый раздел, «Расчеловечивание» (Р. 107–133), посвящен похоронным ритуалам и концепции души. Далее следуют выводы, список литературы и тематический указатель.

Отношения человека и животных

Область, ныне известная как *human-animal relations* (раздел более широкого поля *human-non-human / other-than-human relations*), — одна из старейших в антропологии-этнологии-этнографии. Конечно, методология и словесное оформление, терминология меняются с течением времени. Однако предмет рассмотрения все тот же, а линии сопоставления были заданы еще в классических работах С.М. Широкогорова, В.Г. Богораза, М. Мосса, Б. Малиновского, М. Мид, написанных на сибирском и океанийском материале: взаимоотношения с дикими (медведь, крокодил) и домашними (олень, свинья) животными, их функции в культуре и обществе. Немного утрируя, можно сказать, что современных исследователей занимают те же проблемы, что и их предшественников в этой области, но некоторым почему-то кажется зазорным это признать; они ссылаются (в лучшем случае) на содержащиеся в старых работах факты, представляя свой подход как сугубо новаторский. На сибирском материале на проблему справедливо указывает В.Н. Давыдов в своих комментариях к статье Шарля Степанова и др. об отношениях человека и животных [Davydov 2017: 72].

Свинья и курица — основные домашние животные австронезийцев, которые везли их с собой в лодках, заселяя тихоокеанские пространства. Историки, этнографы, географы, археологи, палеозоологи объединяют усилия для исследования роли свиней в австронезийской культуре [Nelson 1998; Persoon, de Jongh 2004; Piper et al. 2009]. Свиньи были одомашнены в не-

скольких независимых центрах Индии, Китая и Юго-Восточной Азии [Larson et al. 2010; Xiang et al. 2017], по генетическим характеристикам свиней и кур определяют пути древних миграций в Южных морях.

Выбор места

Батад, где работал Ремме, — горная чаша, по склонам которой карабкаются дома, перемежаясь с рисовыми полями. Это горное селение находится в муниципалитете Банауэ провинции Ифугао, расположенной на севере Филиппинского архипелага. В 1995 г. ЮНЕСКО объявила здешние рисовые террасы культурным достоянием человечества в номинации «рукотворный ландшафт», что превратило эту часть провинции в мировой бренд и один из символов страны. Батад, как очень красивое место, стал главной достопримечательностью. Еще в 1990-е гг., до этих событий, Батад показался мне «испорченным полем», а близлежащий городок Банауэ — и вовсе туристическим адом; после номинации туристический поток с каждым годом увеличивается [Станюкович 2014а]. Работая в нетуристических отдаленных муниципалитетах Кианган и Асипуло той же провинции, сама я посещаю окрестности Батада очень редко. Поэтому, когда я познакомилась с Йоном Ремме на конференции в Багио (2008), его выбор поля меня удивил. Доклад Ремме был посвящен пятидесятникам в Батаде; автор с увлечением говорил, что «быть пятидесятником значит быть ифугао». Я даже осторожно спросила Йона о его собственных религиозных воззрениях.

Провинция Ифугао — одно из немногих мест на Филиппинах, где есть районы, в которых хорошо сохранилась традиционная горская культура. Определение ифугаоской идентичности через пятидесятничество мне показалось странным. Миссионеры прошлого, работавшие в Центральных Кордильерах в середине XX в. — католики Х. Вильяверде (Juan Villaverde) и Ф. Ламбрехт (Francis Lambrecht), протестанты-евангелисты У.Г. Скотт (William Henry Scott), Дж. де Раэт (Jules de Raedt), сотрудники Летнего института лингвистики (SIL) Л. Ньюэлл (Leonard Newell), А. Уэст (Anne West), Л. и Р. Хохулин (Lou and Dick Hohulin) — занимались исследованием языков и культур и написали выдающиеся труды. Однако действующие сейчас в Кордильерах пятидесятники, свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня — христианские фундаменталисты, искореняющие любые проявления традиции без всякой ее фиксации, не только обряды и верования, но и песни, танцы, материальную культуру. Много лет я наблюдаю экспансию этих «просветителей», начавшуюся в Асипуло много позже, чем в Батаде: об-

ращенный в свидетели Иеговы родственник, приехавший издалека на *bogwa* — перезахоронение останков деда, сидит в доме и не может пойти со всеми на «языческий» обряд, а вместо *hudhud ni nosi* (похоронных сказаний на языке яттука. — М.С.) перед телом покойного родственники и соседи исполняют ирландские застольные песни, рекомендованные как «настоящие христианские». В Батаде уничтожение традиционной культуры началось гораздо раньше и зашло куда дальше.

Почему же Ремме выбрал Батад? В этом есть логика: идеальная логистика, хорошие дороги, доскональная изученность региона, обеспеченность картами и наличие словаря местного диалекта сильно облегчают вхождение в поле.

Батад находится недалеко от деревни Бангаан, где с 1961 г. работал Х. Конклин — классик мировой антропологии, учитель многих поколений филиппинистов (автор рецензии в их числе). Он собрал библиографию опубликованных и рукописных работ по ифугао [Conklin 1968] и планомерно исследовал основные аспекты культуры и хозяйства Северно-Центрального региона этой части провинции, особое внимание уделяя природопользованию, этноэкологии, этноботанике, культуре риса. Его атлас рисовых террас Ифугао [Conklin 1980] по праву признан уникальным достижением. Регион, в котором находится Батад, представлен в сотнях карт и фотографий разного масштаба, от макросъемки до аэрофотосъемки, есть даже снимки со спутников. Детализация такова, что на картах представлен каждый дом, каждая рисовая терраса, каждая тропинка, существовавшая к моменту издания. Сейчас всем доступна такая картинка в Google Maps, но одно дело картинка, а другое — прорисовка по ней, разграничивающая сельскохозяйственные земли разного назначения, не говоря уж о том, что только благодаря атласу Конклина сегодняшнюю ситуацию можно сравнить с тем, что было в 1970-е. Аналитическая сторона представлена графиками распространения почв, типов растительности, вариантов аграрных циклов, связанных с рисом и другими культурами, обрядовых комплексов, систем счисления и т.д.

На территории провинции говорят на нескольких языках и диалектах, сильно отличающихся друг от друга. Леонард Ньюэлл¹, главный лексикограф SIL, прожил в Батаде 25 лет и опубликовал словарь языка батад-ифугао с этнографическими пояснениями [Newell 1993]². Избрав местом полевой

¹ О роли Ньюэлла в создании мультимедийных полевых инструментов см.: [Станюкович 2012].

² Это первый и до недавних пор единственный словарь одного из языков провинции Ифугао, изданный SIL. Недавно вышли словари языков тували ифугао и келей-и [Hohulin, Hohulin 2014; Hohulin, Hohulin, Maddawat 2018]. Грамматику еще одного языка, яттука (яттука), впервые описал в своей

работы селение, где говорят на единственном в то время описанном идиоме, Ремме упростил себе задачу изучения языка. Влияние шедевра Ньюэлла чувствуется даже в композиции книги, в частности в вынесенных в отдельные таблицы названиях кувшинов, видов свиней и т.д. До сих пор мучаясь из-за отсутствия словаря яттука, сколько-нибудь пригодных карт Асипуло и работ предшественников по фольклору и ритуалу юга провинции Ифугао, на которые можно было бы опереться для диахронного сравнения, я понимаю эти преимущества выбора Ремме.

Время и его признаки

В книге нет ни указаний на даты проведения полевой работы, ни ссылок на полевые материалы автора, ни цитат из полевых дневников, ни фотографий. Многочисленные зарисовки («однажды мы с моим другом-ифугао пошли туда-то и увидели то-то») повисают в безвременье. Упоминания (об отсутствии электричества) и неупоминания (о том, что Батад — центр туризма) создают впечатление глубокой архаики исследуемого общества, подкрепляемое риторикой первооткрывателя. Иногда вдруг прорывается современность: герой очерка о похоронном обряде забросил свои рисовые поля, потому что зарабатывал позированием на смотровой площадке для туристов (Р. 108). О наличии в Батаде христиан (напомним, сколь важную роль Ремме им отводил прежде) в рецензируемой книге упоминается только во «Введении» и в «Выводах», с тем чтобы обосновать их исключение из основного текста: пятидесятники не участвуют в жертвоприношениях свиней и не принимают долей мяса животных, «принесенных в жертву Сатане» (Р. 24, 140–141). Что это, неумение / нежелание переключать коды или намеренная архаизация? Вопрос несправедный. Ф. Ламбрехт, один из «китов» ифугаоских исследований, писал именно так: отдельно про ткачество, отдельно про мифологию, не указывая даже линий взаимосвязи одного с другим (в отличие, например, от Р.Ф. Бартона, в работах которого исследование любой области сохраняет живые связи с остальными, позволяя видеть культуру во всей ее сложности). Общий «первооткрывательский» тон работы Ремме свидетельствует скорее о преднамеренной архаизации. Возможно, автор счел, что переворот («свиной поворот») в понимании жизни ифугао, базирующийся на материале исследования туристического центра, будет не слишком убедителен.

Место риса в культуре ифугао и в исследовательской традиции

Как и другие народы Филиппин, Юго-Восточной Азии и значительной части Азии в целом, ифугао считают рис «настоящей пищей», «подателем жизни» [Ревуненкова 1992]. Однако утверждение автора рецензируемой книги, что рис всегда был основой питания ифугао, а рисовые террасы — основным его источником (Р. 1) — натяжка. Как показал еще Р.Ф. Бартон в «Экономике ифугао» [Barton 1922], рис — сакральная и престижная пища, однако основой питания служили непрестижные корне- и клубнеплоды, «пища бедняков». Трудоемкий процесс возделывания риса на заливных полях, кажущийся неоправданным с экономической точки зрения в обществе с низкой плотностью населения и обилием пригодных для возделывания земель, основан не на материальной, а на культурной, престижной его ценности. Иначе говоря, рис занимает центральное положение в культуре ифугао не по экономическим, а по культурным причинам. Книга Бартона есть в списке литературы Ремме, да и сам автор на основе своих полевых наблюдений оговаривается, что основу рациона батадских ифугао составляет не рис, а овощи с огородов (Р. 103). И это сейчас, когда местные сорта риса, дававшие только один урожай в год, повсеместно заменены равнинными, дающими 2–3 урожая. Далее, переходя от риса к свиньям, Ремме утверждает, что его подход «меняет наше понимание [культуры] ифугао»: в центре внимания его предшественников были рисовые террасы, тогда как «свиной поворот» позволяет сосредоточиться на связях внутри ифугаоского общества, рассмотреть их в процессе становления (Р. 136–137).

Постулат, что этнография ифугао вертелась вокруг рисовых террас, — недоразумение, возникшее из логической ошибки и смешения понятий. Да, в земледельческих обществах основная культура и земля, на которой она возделывается, занимают важнейшее место в системе ценностей. Однако это вовсе не значит, что, например, антропологическая традиция исследования ндембу сосредоточена вокруг кассавы (маниока): Виктор Тернер, определивший ее направленность, был занят иными сюжетами. За последние сто лет о культуре ифугао были написаны сотни работ, однако большая их часть посвящена системе верований, мифологии, фольклору, организации общества, материальной культуре, этнолингвистике, этноботанике, охоте за головами. Это прекрасно видно в аннотированной библиографии работ по рисовым террасам Ифугао [Zialcita, Stanyukovich et al. 2015]: она состоит преимущественно из публикаций, посвященных иным темам, в которых лишь незначительное место уделено рисовым террасам. Конклин,

единственный антрополог, в центре внимания которого действительно были рисовые террасы, начал работать в Ифугао лишь в 1960-е гг. Благодаря его авторитету ифугаоские террасы и получили в 1995 г. номинацию ЮНЕСКО, поднявшую интерес к этой теме. Появились диссертации по их археологии [Acabado 2010]¹, по землепользованию у ифугао [Charette-Castonguay 2014]. Недавно Стивен Акабадо (Stephen Acabado), филиппинский археолог, и Марлон Мартин (Marlon Martin), видный представитель ифугаоского общества и глава местной общественной организации по спасению рисовых террас (SITMO, Save the Ifugao Rice Terraces Movement), создали ежегодную полевую школу по археологии в Ифугао. Они активно печатаются. Отметим, что их имена, как и имена многих других специалистов по ифугао, в книге не упомянуты. Таким образом, *традиция* исследования ифугао до недавнего времени вообще не была «рисоцентричной». До Конклина тон в ней задавали трое великих — Вильяверде (религия, мифология), Бартон (религия, мифология, ритуал, *становление личности в культуре*), Ламбрехт (ритуал, эпос, материальная культура).

Напомним, цель автора — показать, что *становление статуса личности* в Ифугао происходит посредством манипуляций со свиньями. Что же свиньи? С *пищевой* точки зрения они входят в длинный ряд источников животного белка наряду с курицей, водяным буйволом, козой, собакой, утками и дикими животными — оленем, диким буйволом, дикой свиньей и множеством второстепенной дичи (циветты, птицы, вараны, змеи и т.д.). С *ритуальной* — в более узкий круг жертвенных животных (наряду с курицей и буйволом, диким и домашним), а также в значительно более широкий круг *объектов жертвоприношений и ритуального обмена*. В иерархии жертвоприношений первое место занимают ингредиенты бетельной жвачки, без которых никакое обращение к богам и духам невозможно [Станюкович 2010а; 2010б]. Далее идет рисовое вино (с недавних пор — и покупной джин), традиционные ткани (набедренные повязки, юбки, накидки, саваны) и, в последние десятилетия, современная одежда. Более высокий уровень — курица как минимальная жертва с пролитием крови, потом свинья и, наконец, буйвол. Сами ифугао прежде буйволов не разводили. Их специально ловили в лесу или доставляли для жертвоприношений с равнин — трудоемкое и опасное дело в горной местности без дорог, еще усугубляемое традиционной охотой за головами. Жертвоприношение буйвола считается одним из культурных маркеров коренных народов Юго-Восточной Азии. Сколько и каких именно животных следует принести в жертву, опре-

¹ До него раскопки в Ифугао проводил в 1970–1980-х гг. археолог Р.Ф. Маэр.

деляет жрец. Например, в Киангане, по сообщениям моих информантов, есть ритуалы, в которых жертвуют месячного цыпленка, у которого только начинают пробиваться перья. Бартон говорит о жертвоприношении утки в Центральном Ифугао и собаки в Киангане [Barton 1946]. С.Б. Клименко записал в 2015 г. в Асипуло (юг Ифугао) сведения о жертвоприношении собаки определенного окраса. Нежелание выйти за пределы туристского Батада в полевой работе и невнимание к литературе снова подвело Ремме. Во введении он постулирует, что собак и буйволов едят, но не приносят в жертву (Р. 9), — утверждение столь нелепое, что непонятно, с какой стороны его критиковать. Кроме того, Ремме ошибочно предполагает, что дикие животные вообще не использовались для жертвоприношений. По моим полевым материалам, в муниципалитетах Кианган и Асипуло воспоминания о принесении в жертву диких буйволов очень свежи до сих пор.

Раздача долей мяса является частным случаем ритуального обмена, и этот случай не сводится к распределению частей жертвенной свиньи — точно так же раздают части жертвенного буйвола, дикого или домашнего. Более того, традиционно долями дичи наделялись разные категории лиц при любой успешной охоте [Barton 1946: 107]. Наряду с долями мяса во время обряда родственников могли наделять долями рисовой браги, для ее переноски существовали большие специальные богато украшенные бамбуковые сосуды. Важнейшую роль в ритуальном обмене играют неодушевленные материальные объекты, например саваны. В Ифугао их приносят на похороны свойственники умершего. Родня, используя один для покойника, должна быстро передарить остальные во избежание плохих магических последствий. Социальными механизмами циркуляции саванов у соседнего народа — калинга — занимался Р. Шедден [Shedden 2009; 2012].

Я уж не говорю о таких важнейших объектах ритуального обмена, как песни и танцы, механизм обмена которыми на филиппинском материале практически не изучен [Станюкович 2017: 294–295].

Свиньи и духи

Автор ставит своей задачей показать, что смысл ритуала состоит в движении духов (*ba ʔ*) к жертвенным свиньям и, наоборот, движении душ (*lennawa*) свиной к богам и духам ифугаоского пантеона. Он приводит подробные описания ритуалов, свидетелем которых был, — ценный региональный материал по Батаду, дополняющий классические описания Бартона и Ламбрехта по ифугаоским муниципалитетам Кианган, Асипуло

Ил. 1. Важные престижные ритуалы сопровождаются жертвоприношением множества кур, свиней и водяных буйволов. Kolot, обряд перехода для мальчика, возводящий его в высокий ранг. Саламаги, муниц. Ламут, пров. Ифугао, 2012. Фотография М.В. Станюкович

Ил. 2. Жертвоприношение свиньи в целительном ритуале. Жрец за веревки тянет душу жертвовой свиньи. Лунгут, муниц. Кианган, пров. Ифугао, 2011. Фотография М.В. Станюкович

и Маяяо и более поздние публикации. На мой взгляд, вряд ли следует приписывать взаимодействию людей со свиньями центральную роль в ритуале, как это делает автор в соответствии с задачей книги. Да, как хорошо известно каждому, кто занимался обрядностью ифугао в поле или просто читал классические работы, свинья — посланник, ее напутствуют словами: «Свинья, не будь ленивой, пойди к таким-то и таким-то богам Подземного (или Небесного) мира, скажи...» [Barton 1946; 1955]. Но ведь любая жертва — посланник, будь то бетель, жертвенная курица или буйвол. Бетель, жевательный стимулятор, связан со сферой «рот — речь», красноречием, он может смеяться (сфера эмоций, важная для Ремме), подмигивать, передавать сообщение и словами и действиями, например воздействовать на адресата, вырастая из ореха в тяжелую арековую пальму на колене божества, которое не желает идти туда, куда его зовут устроители ритуала [Barton 1946; 1955; Stanyukovich 2014].

Культура, как и язык, — многоканальная система, информация в ней дублируется во избежание потери. Выстраивание изучаемых явлений в единый ряд оправданно, если не придавать этому сконструированному ряду чрезмерного значения. Бетельный или, шире, растительный код, животный код, пищевой или любой другой — достойный предмет изучения. Однако говорить о «свином повороте» в исследовании культуры — перебор.

Сказанное выше касается и раздела о *lennawa* — душах людей и свиней, подробнее рассмотренных в отдельной статье Ремме [Remme 2017]. Автор вносит вклад в темы похоронного обряда и концепции души, с большей или меньшей подробностью разработанные и сформулированные на материале Киангана, Асипуло, Маяяо и других районов Ифугао в старых и недавних работах [Barton 1930a; 1930b; 1946; 1955; Beyer, Barton 1911; Lambrecht 1932; Станюкович 2011; Stanyukovich 2013]. При этом Ремме представляет свой труд как первооткрывательский.

Система рангов, наследование и престижная экономика

Главным критерием богатства в традиционном обществе ифугао были рисовые террасы и передающиеся по наследству престижные объекты, в первую очередь гонги и рисовые кувшины. Вводный параграф к разделу «Престижные объекты» начинается описанием сцены игры на гонгах, сопровождавшейся распитием рисового вина из фарфоровых и глиняных кувшинов: «Я понял, что эти объекты могут быть столь же важны, как другие вещи, которые прежде привлекали мое внимание» (Р. 84).

Странно видеть такие слова в издании 2014 г., учитывая, сколько было написано о символике и значении гонгов и кувшинов в ифугаоской и других горских филиппинских культурах за последние 100 лет (не говоря уже о престижной экономике, теории и практике обмена в Тихоокеанском регионе).

Автор противопоставляет свиней, находящихся в личном владении, рисовым полям, гонгам и кувшинам, которые принадлежат «клану»¹ и передаются по наследству, — мысль верная, но отнюдь не новая. Он подчеркивает, что свиньи, угощение свиным мясом и раздача мясных долей являются «разменной монетой» и играют ведущую роль в завоевании престижа и власти, в том числе современной, политической (речь о выборах) (Р. 100).

Глава завершается обзором гендерных аспектов. Справедливо указав на равное положение мужчин и женщин в культурах той части ЮВА, к которой принадлежат Филиппины [Eggrington 1990] и отметив, что, согласно работе [Rosaldo 1992], сфера охоты за головами является (единственным) исключением, Ремме добавляет от себя еще одно — отношения со свиньями. Его аргументы — табуирование помещения, в котором находятся роженица и свиноматка после родов, «женский» характер терминологии возрастных обозначений свиней и тот факт, что только мужчины совершают жертвоприношения свиней (как и все остальные жертвоприношения с пролитием крови. — М.С.). Ничего гендерного в том, что мелкие поросята определяются как «сосунки», я не вижу. Термины для самок повсеместно различаются по принципу «рожавшая — нерожавшая» (как в русском для коров — яловая, нетель, первотелка и т.д.), в то время как самцы лишены этого разделения; подросшие особи женского пола называются словом, означающим «готовые к размножению», а мужские — «готовые к кастрации».

Ремме утверждает, что свиньи относятся к женской сфере: термины для свиноматок различаются в зависимости от того, сколько раз они поросились, а соответствующие им мужские особи обозначаются как их братья. Термины даются без перевода, человек, не знающий языка ифугао, никак в них не разберется. Между тем они совершенно неравноценны: наряду с собственно половозрастными терминами присутствуют про-

¹ Акабадо считает одной из непростительных ошибок Ремме утверждение о наличии у ифугао кланов (*clans*) [Acabado 2015: 656]. Сами ифугао, говорящие по-английски, употребляют это слово в быту в значении «группа родственников». Однако в научном дискурсе этот термин действительно представляется сомнительным, как бы его ни понимать — в классическом смысле как род, в пост-мёрдоковской традиции как родовую общину или в современном применении к мощным семейным группам, в первую очередь политическим и экономическим.

изводные обозначения через стоимость животного. Например, говорится, что боров *mabinuhlan* и боров *ma'empatan* — братья свиноматки *pi'at*, которая в первом случае обозначена как принесшая два выводка, а во втором — три. Не знающий языка и реалий читатель воспримет обозначения самцов как термины родства — скажем, старший брат, или младший, или близнец. Между тем *pi'at* — это просто свинья на пике репродуктивного периода (т.е. самая дорогая). Она и самый дорогой боров рассматриваются как равноценные, отсюда их соответствие один другому. Боров — расходный материал, ему прямая дорога быть проданным или принесенным в жертву (а свиноматку придержат, пока не одряхлеет), поэтому он определяется через свою цену, а вовсе не через термин родства («брат свиноматки»). Когда-то, когда тканые изделия в Ифугао были очень редки и дорогостоящи, цена его была равна набедренной повязке (*binuhlan*) или даже савана (*empat*). А товарным соответствием *boghah*¹, еще не взрослой впервые опоросившейся матки, считают молодого, не вполне выросшего боровка, цена которому меньше (и который поэтому называется *mahinagat* — от *hinagat*, более дешевой нетканой набедренной повязки из луба). Эти пояснения, которые сделали бы текст осмысленным и прозрачным, были опущены, возможно случайно, но скорее всего потому, что эта прозрачность не вписалась бы в гендерный дискурс, не говоря о том, что она противоречит постулату автора об определяющей роли свиней, показывая, что они взаимозаменяемы с неживыми престижными объектами и имеют через них.

Определение своего места в научной традиции

Контекст, в который Ремме ставит свою работу, — исследование *human-animal relations* последних лет. Само по себе это было бы прекрасно, если бы при этом учитывались и другие контексты — традиция исследования народа, о котором написана книга, и региона, в который входят Филиппины. Но в книге отсутствуют указания на преемственность с мощной антропологической традицией, рассматривающей взаимоотношения «свинья — человек». Даже в списке литературы нет классических книг по этой теме — «Свиньи для предков» [Rappaport 1984] и «Предки для свиней» [Nelson 1998], объединивших антропологов, археологов, палеозоологов, зоогенетиков. Простая вежливость требует хотя бы дать ссылку на работу Дидры Маккай о роли свиней в оформлении родственных отно-

¹ Я полагаю, что *bogah* у Ремме — опечатка, и привожу вариант по списку батадских терминов для свиней из словаря Ньюэла [Newell 1993: 562]. Замечу, кстати, что по Ньюэлу эти термины в равной степени применяются как для домашних, так и для диких свиней.

шений филиппинцев Гонконга [McKay 2010] — не в последнюю очередь потому, что Маккай — специалистка по ифугао. Впрочем, здесь мы имеем дело с еще одной особенностью определения своего места в традиции: в книге Ремме нет ни одной ссылки на исследователей, работавших с ифугао после 1980-х гг., ни на филиппинских, ни на зарубежных. Помимо названных выше Стефана Акабадо, Марлона Мартина и Дидры Маккай это в первую очередь Лурдес Дулаван, Мануэль Дулаван, Росарио дель Росарио, Лин Милграм, Фриделиза Кампос и ряд других.

Приведу первую запись из аннотированной библиографии “The Importance of the Pig in Pacific Island Culture” [2007], которая насчитывает 40 с лишним страниц и включает более 150 работ, опубликованных в интервале с 1887 г. по начало 2000-х гг., когда Ремме впервые поехал в поле:

- Свиньи занимают центральное место в меланезийских культурах. Их рассматривают как финансовый капитал семьи. Они определяют экономику деревни. Они могут быть причиной войны и заключения мира, их приносят в жертву, с их помощью исправляют ситуацию. Не будь свиней, ничего нельзя было бы сделать правильно, было бы очень сложно заключать браки, а обряды потеряли бы силу. Если нужны наличные деньги, скажем, чтобы заплатить за обучение в школе, можно продать свинью. Если одна семья хочет породниться с другой путем заключения брака, переговорам предшествует посылка свиньи. Если между двумя соседскими общинами существует конфликт, его разрешение обычно начинается с посылки свиньи в качестве подарка [The Importance 2007: 5].*

Легко заметить, что диапазон ролей, которые в книге Ремме (призванной совершить переворот в науке) отводятся свиньям, практически совпадает с перечнем тем, описанных предшествующими исследователями для культур Южных морей.

Этический момент

Наконец, автор явно не задумывался о том, как его книга будет воспринята ифугаоским обществом, как повлияет на отношения между ифугао и равнинными филиппинцами. Такие формулировки, как ««свиной поворот» в исследовании ифугао», «свиньи — члены ифугаоской семьи» (Р. 103), вывод, что становление личности у ифугао осуществляется посредством манипуляций со свиньями, — все это звучит для ифугао оскор-

бительно, как уже отметил в своей рецензии филиппинский коллега [Acabado 2015: 656]. Немудрено, что книга вызвала у жителей провинции негативную реакцию. Сергей Клименко в работе по животным метафорам тагальского языка показывает, что со свиньей в филиппинской культуре связаны исключительно негативные коннотации, она ассоциируется с нечистоплотностью, физической и моральной [Klimenko 2010: 11, 14]. Ифугао знамениты как воины (сейчас среди них много военных, полицейских, работающих за пределами провинции). Уподобление опасному крокодилу традиционно и почетно для воина на Филиппинах [van der Ploeg et al. 2011], а уподобление свинье, напротив, недопустимо. Книга «Джигит и волк» [Карпов 1996], исследующая мифоритуальные связи горского воина с другим грозным хищником, была положительно воспринята кавказскими сообществами, в которых овцы играют практически ту же роль, что свиньи у ифугао. Сомневаюсь, что такой же успех имела бы книга «Джигит и баран». Кроме того, автору следовало бы принять во внимание, что коренные народы и так подвергаются дискриминации на Филиппинах. Их репутация в глазах равнинных народов только-только стала улучшаться после столетий колониального стравливания христиан с «дикарями-горцами», анимистами и шаманистами [Станюкович 2014б].

Еще один упрек ифугаоского сообщества — расширенное употребление термина «ифугао», распространение наблюдений, сделанных в Батаде, на всю культуру провинции, в которой очень сильны локальные различия. Это касается и терминологии: батад ифугао сильно отличается от других диалектов центрокордильерского ифугао, не говоря уж о южнокордильерских языках, на которых говорят в Асипуло и в Тиноке, на юге провинции.

Заключение

Недостатки исследования Й. Ремме заставляют задуматься о некоторых тревожных тенденциях в современной антропологии. Как получилось, что успешность в нашей дисциплине требует совсем чуждых науке приемов, демонстративного отхода от традиции и подчеркивания своей первооткрывательской роли? Почему стиль написания заявок на гранты переключался на исследования? Это же не реклама моющих средств, где книга — рекламируемый бренд, а вся предшествующая наука — безликая упаковка «обычного порошка». Общая беда — ослабление внимания к предмету исследования (в том числе и к верификации фактов, на которых строятся теории) и перенесение его на инструменты, фетишизация языка исследования, введе-

ние нарочито усложненной «новаторской» терминологии на смену укорененной в данной исследовательской области, обрывание традиций и изобретение новых. Игра с терминологией, напоминающая саморазворачивающиеся кеннинги скандинавских скальдов, занимает в современных публикациях несоразмерно большое место. Блестящий исследователь скальдической поэзии М.И. Стеблин-Каменский так определил ее особенности: скальд, как любой средневековый автор, содержание свободно черпал из работ предшественников (на них, естественно, не ссылаясь), авторский вклад его сводился к максимальному усложнению формы [Стеблин-Каменский 1978]. Не хотелось бы возвращаться к этим средневековым нормам.

Библиография

- Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 312 с.
- Клименко С.Б.* Категория залога в филиппинских языках (на материале языка йаттука). Дис. ... канд. филол. наук / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2017. 560 с.
- Ревуненкова Е.В.* Миф — обряд — религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии. М.: Наука, 1992. 216 с.
- Станюкович М.В.* Бетель и другие легкие жевательные стимуляторы растительного происхождения. Основные направления исследования (программа) // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2010а. С. 323–328.
- Станюкович М.В.* «Сын бетельного ореха и листа бетеля»: символика *Areca Catechu* и *Piper Betle* в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010б. Т. 6. Ч. 1. С. 306–340.
- Станюкович М.В.* Эпос и память живых и мертвых // Иванова Т.Г. (отв. ред.). Классический фольклор сегодня: Мат-лы конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Б.Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 472–491.
- Станюкович М.В.* Филиппинский фольклор: проблемы сбора, хранения и исследования полевых материалов // Кляус В.Л., Миненок Е.В. (сост.), Гацак В.М. (ред.). Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. М.: ИМЛИ, 2012. С. 141–147.
- Станюкович М.В.* Номинации ЮНЕСКО в провинции Ифугао в контексте истории и современного положения коренных народов Филиппин // Поддубиков В.В. (отв. ред.). Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сб. науч. статей по итогам Всерос. с междунар.

- участием науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 17–18 октября 2014). Кемерово: Практика, 2014а. С. 359–364.
- Станюкович М.В.* Эпос, фольклористика, национализм и прочая идеология — от России до Филиппин // Кучепатова С.В. (отв. ред.), Глазунова Н.Н. (ред. и сост.). Фольклор и этнокультурная идентичность: Мат-лы IV Междунар. школы молодых фольклористов. СПб.: РИИИ, 2014б. С. 85–96.
- Станюкович М.В.* О роли чужой культуры в формировании и сохранении эпической традиции. Филиппинские параллели к российским материалам // Материалы Третьего конгресса российских фольклористов. М.: Роскультпроект, 2017. Т. 1. Актуальные проблемы российской фольклористики. С. 289–302.
- Стеблин-Каменский М.И.* Место поэзии скальдов в истории мировой литературы // Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л.: Наука, 1978. С. 90–102.
- Acabado S.* The Archaeology of the Ifugao Agricultural Terraces: Antiquity and Social Organization. PhD diss. / University of Hawai'i. Manoa, Honolulu, 2010.
- Acabado S.* Rezensionen: Remme, Jon Henrik Ziegler: Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Ritual. Lanham: Lexington Books, 2014. 161 pp. // *Anthropos*. 2015. Bd. 110. S. 655–656.
- Barton R.F.* Ifugao Economics // University of California Publications in American Archeology and Ethnology. 1922. Vol. 15. No. 5. P. 385–446.
- Barton R.F.* Hunting Soul-Stuff // *Asia*. 1930a. Vol. 30. P. 188–195, 225–226.
- Barton R.F.* The Half-Way Sun; Life among the Headhunters of the Philippines. N.Y.: Brewer and Warren, 1930b. 315 p.
- Barton R.F.* The Religion of the Ifugaos // *American Anthropologist*. 1946. Vol. 48. No. 4. Pt. 2. P. 1–219.
- Barton R.F.* The Mythology of the Ifugaos // *Memoirs of the American Folklore Society*. 1955. Vol. 46. 244 p.
- Beyer H.O., Barton R.F.* An Ifugao Burial Ceremony // *The Philippine Journal of Science*. 1911. Vol. 6. No. 5. P. 227–252.
- Conklin H.C.* Ifugao Bibliography. New Haven: Yale Southeast Asia Studies, 1968. 75 p. (Southeast Asia Studies, Bibliography Series, 11).
- Conklin H.C.* Ethnographic Atlas of Ifugao. L.; New Haven: Yale University Press, 1980. 115 p., 57 pls.
- Davydov V.N.* Comment on “Animal Autonomy and Intermittent Coexistences: North Asian Modes of Herding” // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58. No. 1. P. 72–73.
- Errington S.* Recasting Sex, Gender and Power: A Theoretical and Regional Overview // Atkinson J.M., Errington S.E. (eds.). Power and Difference: Gender in Island Southeast Asia. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 1–58.

- Hohulin R.M., Hohulin E.L.* Tuwali Ifugao Dictionary and Grammar Sketch. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2014. xiii+686 p.
- Hohulin R.M., Hohulin E.L., Maddawat A.K.* Keley-i Dictionary and Grammar Sketch. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2018. 597 p. (Special Monograph Issue, 59).
- Klimenko S.B.* Speaking about Humans in Animal Terms: Animal Metaphors in Tagalog. Lings270 Ethnolinguistics Term Paper, 2nd semester 2009–2010. University of the Philippines. Diliman, 2010. 31 p.
- Lambrecht F.* The Mayawyaw Ritual. Death and Death Ritual // Publications of the Catholic Anthropological Conference “The Mayawyaw Ritual”. 1932. Vol. 3. P. 327–493.
- Larson G., Liu R., Zhao X. et al.* Patterns of East Asian Pig Domestication, Migration, and Turnover Revealed by Modern and Ancient DNA // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2010, April 19. <<https://doi.org/10.1073/pnas.0912264107>>.
- McKay D.* A Transnational Pig: Reconstituting Kinship among Filipinos in Hong Kong // The Asia Pacific Journal of Anthropology. 2010. Vol. 11. P. 330–344.
- Nelson S.M.* (ed.). Ancestors for the Pigs: Pigs in Prehistory. Philadelphia, PA: MASCA, University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1998. 148 p. (University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology: Museum Applied Science Center for Archaeology Research Papers in Science and Archaeology, 15).
- Newell L.E.* Batad Ifugao Dictionary with Ethnographic Notes. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1993. 744 p.
- Pearson G.A., de Jongh H.H.* Pigs across Ethnic Boundaries. Examples from Indonesia and the Philippines // Knight J. (ed.). Wildlife in Asia: Cultural Perspectives. L.: Routledge, 2004. P. 165–184.
- Piper P., Hung H., Campos F.Z., Bellwood P., Santiago R.* 4000 Year-old Introduction of Domestic Pigs into the Philippine Archipelago: Implications for Understanding Routes of Human Migration through Island Southeast Asia and Wallacea // Antiquity. 2009. Vol. 83. P. 687–695.
- Rappaport R.* Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People. New Haven: Yale University Press, 1984. xviii+501 p.
- Remme J.H.Z.* Significant Relations. Ritual and Person among the Ifugaos. MA Thesis / University of Oslo. Oslo, 2006. 238 p.
- Remme J.H.Z.* Manifesting Potentials: Animism and Pentecostalism in Ifugao, the Philippines. Oslo: University of Oslo Press, 2012. 339 p.
- Remme J.H.Z.* The Dynamics of *lennawa*: Exchange, Sharing and Sensorial Techniques for Managing Life Substances in Ifugao // Asia. 2017. Vol. 71. No. 1. P. 327–351.
- Rosaldo M.Z.* Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self and Social Life. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 302 p.
- Shedden R.* Textiles That Wrap the Dead // The Cordiller Review: Journal of Philippine Culture and Society. 2009. Vol. 1. No. 2. P. 3–24.

- Shedden R.* Kalinga Binaliwon Blankets, Northern Luzon, Philippines // Howard M.C. (ed.). *Textile Traditions in Contemporary Southeast Asia*. Bangkok: White Lotus Press, 2012. P. 73–84. (Studies in the Material Culture of Southeast Asia, 17).
- Stanyukovich M.V.* Epic as a Means to Control Memory and Emotions of Gods and Humans: Ritual Implications of *Hudhud* among the Yattuka and Tuwali Ifugao // Revel N. (ed.). *Songs of Memory in Islands of Southeast Asia*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 167–197.
- Stanyukovich M.V.* Betel, “Lonely Heroes” and Magic Birth in the Philippines and Beyond: Comparative Mythology, Field Work and Folklore Corpora // Antoni K., Weiss D. (eds.). *Sources of Mythology: Ancient and Contemporary Myths*. Proceedings of the Seventh Annual International Conference on Comparative Mythology (15–17 May 2013, Tuebingen). Zurich; B.: LIT, 2014. P. 179–206.
- The Importance of the Pig in Pacific Island Culture. An annotated bibliography. Secretariat of the Pacific Community Cataloguing-in-publication data. 2007. 44 p. <<http://www.awpa-melb.asn.au/history.htm#PIGS>>.
- van der Ploeg J., van Weerd M., Persoon G.* A Cultural History of Crocodiles in the Philippines: Towards a New Peace Pact? // *Environment and History*. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 229–264.
- Xiang H., Gao J., Cai D., Luo Y., Yu B., Liu L., Liu R., Zhou H., Chen X., Dun W., Wang X., Hofreiter M., Zhao X.* Origin and Dispersal of Early Domestic Pigs in Northern China // *Scientific Reports*. 2017. Vol. 7. P. 5602. <<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5552793/>>.
- Zialcita F., Stanyukovich M.V. et al.* (eds.). *Preserving the Ifugao Rice Terraces: A Literature Review For The Humanities and Social Sciences Committee*. Pasay City: UNESCO, National Commission of the Philippines, 2015. 175 p.

Мария Станюкович

“Swine Turn”: A Review of Jon Henrik Ziegler Remme, *Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Ritual*. Lanham: Lexington Books, 2014, 161 pp.

Maria V. Stanyukovich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
mstan@kunstkamera.ru

This much-anticipated book on Ifugao ethnography, regrettably, appears to be rather disappointing. It claims theoretical novelty while failing to substantiate it, and at the same time fails to acknowledge regional literature and to go deeper into the sources to verify claims and facts. In my view, it is indicative of an alarming broader trend to disregard existing scholarship in present-day anthropology. It appears as though the success of a publication hinges upon opposing oneself to the previous research tradition and presenting one's research out of its context. Systematically tracing the role of pigs in all spheres of life in Batad (a touristic centre of the Ifugao province), following the longstanding research tradition of the Austronesian area, but in terms of human-animal relations studies, J. Remme claims that his approach is totally innovative, having "opened up a new avenue to understanding the Ifugao and their lives". He reduces the previous tradition of Ifugao studies to being "rice-field-centered", whereas in fact century-long Ifugao studies have until recently focused mostly on mythology, ritual and its traditional religious system, with abundant discourse and data on exchange and sacrifice of objects and animals. Traditional culture is a multi-channel system; the "pig code" is just one of many cultural codes. Laudable as it is, its study should not be proclaimed supreme or serve to understate the importance of other avenues of research. The conclusions are often based on factual mistakes. For example, Remme claims that dogs and water buffalos are never sacrificed (p. 9) in Ifugao, while we have multiple evidences of the latter (buffalo sacrifice being one of the markers of Southeast Asian cultures in general) and several solid evidences of the former in early and present-day Ifugao culture. The discussion of pigs and gender (pp. 100–106) based on terminology for male and female age groups of pigs completely falls apart in case the reader can etymologise the untranslated Ifugao terms given by the author. The claim that wild animals are never sacrificed is equally wrong. Remme exoticises the people that he studies and expands his conclusions based on Batad material to the whole province of the Ifugao, failing to contextualise his own fieldwork.

Keywords: Ifugao ethnography, human-animal relations, the Philippines.

References

- Acabado S., *The Archaeology of the Ifugao Agricultural Terraces: Antiquity and Social Organization*. PhD diss. / University of Hawai'i Manoa, Honolulu, 2010.
- Acabado S., 'Rezensionen. Remme, Jon Henrik Ziegler: Pigs and Persons in the Philippines. Human-Animal Entanglements in Ifugao Ritual. Lanham: Lexington Books, 2014. 161 pp.', *Anthropos*, 2015, Bd. 110, SS. 655–656.

- Barton R. F., 'Ifugao Economics', *University of California Publications in American Archeology and Ethnology*, vol. 15, no. 5, 1922, pp. 385–446.
- Barton R. F., 'Hunting Soul-stuff', *Asia*, 1930, vol. 30, pp. 188–195, 225–226.
- Barton R. F., *The Half-way Sun; Life among the Headhunters of the Philippines*. New York: Brewer and Warren, 1930, 315 pp.
- Barton R. F., 'The Religion of the Ifugaos', *American Anthropologist*, 1946, vol. 48, no. 4, pt. 2, pp. 1–219.
- Barton R. F., 'The Mythology of the Ifugaos', *Memoirs of the American Folklore Society*, 1955, vol. 46, 244 pp.
- Beyer H. O., Barton R. F., 'An Ifugao Burial Ceremony', *The Philippine Journal of Science*, 1911, vol. 6, no. 5, pp. 227–252.
- Conklin H. C., *Ifugao Bibliography*. New Haven: Yale Southeast Asia Studies, 1968, 75 pp. (Southeast Asia Studies, Bibliography Series, 11).
- Conklin H. C., *Ethnographic Atlas of Ifugao*. London; New Haven: Yale University Press, 1980, 115 pp., 57 plts.
- Davydov V. N., 'Comment on "Animal Autonomy and Intermittent Coexistences: North Asian Modes of Herding"', *Current Anthropology*, 2017, vol. 58, no. 1, pp. 72–73.
- Errington S., 'Recasting Sex, Gender and Power: A Theoretical and Regional Overview', Atkinson J. M., Errington S. E. (eds.), *Power and Difference: Gender in Island Southeast Asia*. Stanford: Stanford University Press, 1990, pp. 1–58.
- Hohulin R. M., Hohulin E. L., *Tuwali Ifugao Dictionary and Grammar Sketch*. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2014, xiii+686 pp.
- Hohulin R. M., Hohulin E. L., Maddawat A. K., *Keley-i Dictionary and Grammar Sketch*. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2018, 597 pp. (Special Monograph Issue, 59).
- Karpov Yu. Yu., *Dzhigit i volk: muzhskiye soyuzy v sotsiokulturnoy traditsii gortsev Kavkaza* [Jigit and a Wolf: Male Societies in the Sociocultural Tradition of the Highlanders of the Caucasus]. St Petersburg: MAE RAN, 1996. (In Russian).
- Klimenko S. B., Speaking about Humans in Animal Terms: Animal Metaphors in Tagalog. Lingg270 Ethnolinguistics Term Paper, 2nd semester 2009–2010. University of the Philippines. Diliman, 2010.
- Klimenko S. B., Kategoriya zaloga v filippinskih yazykah (na materiale yazyka yattuka) [The Voice System in Philippine Languages (A Case Study of Yattuka)]. Candidate's Diss. / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. St Petersburg, 2017. (In Russian).
- Lambrecht F., 'The Mayawyaw Ritual. Death and Death Ritual', *Publications of the Catholic Anthropological Conference "The Mayawyaw Ritual"*, 1932, vol. 3, pp. 327–493.

- Larson G., Liu R., Zhao X. et al., 'Patterns of East Asian Pig Domestication, Migration, and Turnover Revealed by Modern and Ancient DNA', *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*, 2010, April 19. <<https://doi.org/10.1073/pnas.0912264107>>.
- McKay D., 'A Transnational Pig: Reconstituting Kinship among Filipinos in Hong Kong', *The Asia Pacific Journal of Anthropology*, 2010, vol. 11, pp. 330–344.
- Nelson S. M. (ed.), *Ancestors for the Pigs: Pigs in Prehistory*. Philadelphia, PA: MASCA, University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1998, 148 pp. (University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology: Museum Applied Science Center for Archaeology Research Papers in Science and Archaeology, 15).
- Newell L. E., *Batad Ifugao Dictionary with Ethnographic Notes*. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1993, 744 pp.
- Person G. A., de Jongh H. H., 'Pigs Across Ethnic Boundaries. Examples from Indonesia and the Philippines', Knight J. (ed.), *Wildlife in Asia: Cultural Perspectives*. London: Routledge, 2004, pp. 165–184.
- Piper P., Hung H., Campos F. Z., Bellwood P., Santiago R., '4000 Year-old Introduction of Domestic Pigs into the Philippine Archipelago: Implications for Understanding Routes of Human Migration through Island Southeast Asia and Wallacea', *Antiquity*, September 2009, vol. 83, pp. 687–695.
- Rappaport R., *Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People*. New Haven: Yale University Press, 1984, xviii+501 pp.
- Remme J. H. Z., Significant Relations. Ritual and Person among the Ifugaos. MA Thesis / University of Oslo. Oslo, 2006.
- Remme J. H. Z., *Manifesting Potentials: Animism and Pentecostalism in Ifugao, the Philippines*. Oslo: University of Oslo Press, 2012, 339 pp.
- Remme J. H. Z., 'The Dynamics of *lennawa*: Exchange, Sharing and Sensorial Techniques for Managing Life Substances in Ifugao', *Asia*, 2017, vol. 71, no. 1, pp. 327–351.
- Revunenkovna E. V., *Mif — obryad — religiya. Nekotorye aspekty problemy na materiale narodov Indonezii* [Myth — Ritual — Religion. Some Aspects of the Issue in the Culture of Indonesian Peoples]. Moscow: Nauka, 1992, 216 pp. (In Russian).
- Rosaldo M. Z., *Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self and Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 302 pp.
- Shedden R., 'Textiles That Wrap the Dead', *The Cordiller Review. Journal of Philippine Culture and Society*, 2009, vol. 1, no. 2, pp. 3–24.
- Shedden R., 'Kalinga Binaliwon Blankets, Northern Luzon, Philippines', Howard M. C. (ed.), *Textile Traditions in Contemporary Southeast Asia*. Bangkok: White Lotus Press, 2012, pp. 73–84. (Studies in the Material Culture of Southeast Asia, 17).
- Stanyukovich M. V., 'Betel i drugie zhevatelye stimulyatory rastitelnogo proiskhozhdeniya. Osnovnye napravleniya issledovaniy (programma)' [Betel and Other Stimulants of Plant Origin. Principal

- Lines of Research (Program)], *Radlovskiy sbornik*. St Petersburg: MAE RAN, 2010, pp. 323–328. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., “‘Syn betelnogo orekha i lista betelya’”: simbolika Areca Catechu i Piper Betle v folklore i traditsionnoy kulture ifugao i drugikh narodov Filipin’ [“Son of Betel Nut and Betel Leaf”: The Symbolism of Areca Catechu and Piper Betle in the Oral Literature and Traditional Culture of the Ifugao and Other Peoples of the Philippines], *Acta Linguistica Petropolitana*, 2010, vol. 6, pt. 1, pp. 306–340. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., ‘Epos i pamyat zhivikh i mertvykh’ [Epics and the Memory of the Living and the Dead], Ivanova T. G. (ed.), *Klassicheskiy folklor segodnya* [Classic Folklore Today]: The proceedings of the conference in honor of B. N. Putilov. St Petersburg: Dmitri Bulanin, 2011, pp. 472–491. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., ‘Filippinskiy folklor: problemy sbora, khraneniya i issledovaniya polevykh materialov’ [The Philippine Folklore: Issues of Collecting, Safeguarding and Researching of Field Materials], Klyaus V. L., Minenok E. V. (comps.), Gatsak V. M. (ed.), *Multimediynye i tsifrovyye tekhnologii v sobiranii, sokhranении i izuchenii folklor* [Multimedia and Digital Technologies in Collecting, Safeguarding and Researching Folklore]. Moscow: IMLI, 2012, pp. 141–147.
- Stanyukovich M. V., ‘Epic as a Means to Control Memory and Emotions of Gods and Humans: Ritual Implications of *Hudhud* among the Yattuka and Tuwali Ifugao’, Revel N. (ed.), *Songs of Memory in Islands of Southeast Asia*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013, pp. 167–197.
- Stanyukovich M. V., ‘Epos, folkloristika, natsionalizm i prochaya ideologiya — ot Rossii do Filipin’ [Epics and Oral Literature Studies vs Nationalism and Other Kinds of Ideology], Kuchepatova S. V., Glazunova N. N. (eds.), *Folklor i etnokulturnaya identichnost* [Folklore and Ethnocultural Identity]: The proceedings of the 4th International School for the young specialists on oral literature. St Petersburg: RIII, 2014, pp. 85–96. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., ‘Nominatsii YuNESKO v provintsii Ifugao v kontekste istorii i sovremennogo polozheniya korennykh narodov Filipin’ [UNESCO Nominations in the Ifugao Province in the Context of the History and Present-day Situation of the Indigenous Peoples of the Philippines], Poddubikov V. V. (ed.), *Malochislenniye etnosy v prostranstve dominiruyushchego obshchestva: praktika polevykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoy politiki* [Ethnic Minorities Living in the Space of the Dominant Majority: Applied Research and Effective Instruments of the Politics of Ethnicity]: Proceedings of the All-Russian research and applied research conference with international participation. Kemerovo: Praktika, 2014, pp. 359–364. (In Russian).
- Stanyukovich M. V., ‘Betel, “Lonely Heroes” and Magic Birth in the Philippines and Beyond: Comparative Mythology, Field Work and Folklore Corpora’, Antoni K., Weiss D. (eds.), *Sources of Mythology: Ancient and Contemporary Myths. Proceedings of the Seventh Annual*

International Conference on Comparative Mythology (15–17 May 2013, Tuebingen). Zurich; Berlin: LIT, 2014, pp. 179–206.

- Stanyukovich M. V., ‘O roli chuzhoj kultury v formirovanii i sokhranении epicheskoy traditsii. Filippinskiye paralleli k rossiyskim materialam’ [On the Role Played by the Culture of the “Ethnic Other” in the Formation and Survival of the Oral Epic Tradition. Philippine Parallels to Russian Materials], *Materialy tretyego kongressa rossiyskikh folkloristov*, vol. 1: *Aktualnye problemy rossiyskoy folkloristiki* [The Proceedings of the Third Congress of Russian Folklorists, vol. 1: Present-day Issues of Russian Folklore Studies]. Moscow: Roskultproekt, 2017, pp. 289–302. (In Russian).
- Steblyn-Kamenskiy M. I., ‘Mesto poezii skaldov v istorii mirovoy literatury’ [The Place of Scaldic Poetry in the History of World Literature], Steblyn-Kamenskiy M. I., *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 90–102. (In Russian).
- van der Ploeg J. van Weerd M., Persoon G., ‘A Cultural History of Crocodiles in the Philippines: Towards a New Peace Pact?’, *Environment and History*, 2011, vol. 17, no. 2, pp. 229–264.
- Xiang H., Gao J., Cai D., Luo Y., Yu B., Liu L., Liu R., Zhou H., Chen X., Dun W., Wang X., Hofreiter M., Zhao X., ‘Origin and Dispersal of Early Domestic Pigs in Northern China’, *Scientific Reports*, 2017, vol. 7, p. 5602. <<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5552793/>>.
- The Importance of the Pig in Pacific Island Culture. An annotated bibliography. Secretariat of the Pacific Community Cataloguing-in-publication data. 2007, 44 pp. <<http://www.awpa-melb.asn.au/history.htm#PIGS>>.
- Zialcita F., Stanyukovich M. V. et al. (ed.), *Preserving the Ifugao Rice Terraces: A Literature Review For The Humanities and Social Sciences Committee*. Pasay City: UNESCO, National Commission of the Philippines, 2015, 175 pp.